

О.А. ЛАВШУК

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В ПОЛЬШЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Рассматриваются формы популяризации русской поэзии на страницах польских журналов начала XX в. – рецензии и статьи о литературной жизни России, а также переводы как важнейший источник, свидетельствующий об интересе к русской поэзии в то время. Представлены наиболее выдающиеся критики и переводчики (например, Т. Налепинский и Л. Бельмонт).

The forms of popularization of Russian poetry in Polish journals, reviews and articles about literary life of Russia and also translations as the most important source of interest to the Russian poetry at that time are considered in the article. The most prominent critics and translators such as T. Nalepinski and L. Belmont are represented.

Во второй половине XIX в. интерес к русской литературе концентрировался прежде всего на прозе. Рубеж веков, по словам польского исследова-

теля З. Жакевича, стал переломным в установлении многосторонних контактов: «Начиная с этого периода, между польской и русской литературами установилось продуктивное сотрудничество, представленное многочисленными именами, как это было в эпоху Мицкевича, и плеядой достойных мастеров в литературах двух народов» (Żakiewicz 1968, 502. *Перевод с польского языка здесь и далее автора. – О. Л.*).

На рубеже XIX–XX вв., когда происходил необычайный подъем национальных культур как русской, так и польской, на страницы польских журналов, ставших одним из важнейших проявлений литературной жизни, хлынули переводы и критические статьи, касающиеся новых течений в иностранных литературах. И особый интерес вызывала поэзия, поскольку она особенно быстро реагировала на все новое. Наряду с журналами популяризации русской литературы занимался ряд издательств, так как большинство выходивших в то время сборников оригинальных стихов обычно дополнялись авторскими переводами из иностранных литератур.

Можно выделить два аспекта рецепции русской поэзии в Польше. Первый – это по преимуществу статьи и рецензии, анонсы издательских новинок. Второй аспект характеризуется непосредственно появлением на страницах польских журналов многочисленных переводов.

Популяризации русской поэзии в Польше более всего способствовала «младопольская пресса», т. е. журналы, издаваемые представителями литературного направления «Молодая Польша»¹.

Рецензии на книги русских авторов, издательские новости, поэтические переводы и их обсуждения довольно часто печатались на страницах варшавских и краковских популярных еженедельников: «Prawda», «Życie», «Tygodnik Ilustrowany», «Słowo», «Tygodnik Mód i Powieści», «Głos», «Opiekun Domowy», «Ziarno», а также «Liberum Veto», «Nowa Reforma», «Krytyka», «Świat». Однако, если в упомянутых изданиях публикации могли быть постоянными и случайными, то этого не скажешь о таких журналах, как петербургский «Kraj» (1882–1909 гг.) и варшавское «Wolne Słowo» (1907–1913 гг.), имевших важное значение для популяризации русской литературы в Польше, включая поэзию. Журнал «Kraj» благодаря привлечению в авторский актив известных представителей польской литературы, например, Б. Пруса, М. Конопницкой, Э. Ожешко, Г. Сенкевича и К. Тетмайера, а также авторитетных русских и польских литературоведов В. Спасовича, Ю. Третьяка и М. Здоховского отличался высоким уровнем, что обеспечило ему популярность и авторитет. «В публицистике “Края”, посвященной русской литературе, – пишет польский исследователь З. Кмечик, – бросается в глаза одна принципиальная особенность: высокий литературный уровень статей. Авторы пишут о литературе как о явлении понятном и близком читателю, избегая мелкой популяризации, ненужной болтливости и упрощенных политических оценок. Сотни статей, рецензий и заметок о культурной, научной и литературной жизни России составляли прочное достояние периодического издания» (Kmieciak 1969, 429).

Второй из упомянутых журналов отличался большим тематическим разнообразием статей, что было обусловлено разносторонностью интересов его издателя и редактора Лео Бельмонта. На страницах «Wolnego Słowa» чаще всего появлялись обсуждения общественных и литературных проблем. Последние – в виде критических статей, оригинальной поэзии или

¹ В польском литературоведении понятие «Молодая Польша» используется для обозначения новых тенденций в национальной литературе 1890–1914 (иногда и 1890–1918) гг. Наряду с таким, по существу нелитературным значением оно употребляется и в более близком к первоначальному, более узком смысле – как синоним понятия «модернизм». Терминологический хаос пытался упорядочить Генрик Маркевич в статье «Молодая Польша» и «измы» (Markiewicz 1977, 307–360), однако до сих пор термины «модернизм» и «Молодая Польша», а также «модернистская» и «младопольская» литература употребляются как синонимы.

прозы дебютантов, а также переводов из русской поэзии, автором которых был сам редактор.

Популяризация русской поэзии на страницах младопольской прессы обычно осуществлялась в форме рецензий, заметок о содержании или материалов, связанных с определенными событиями, – отчетов с юбилейных торжеств, которые проходили в Польше или в России, в том числе и некрологов.

Анонсы издательских новинок, краткие характеристики литературных журналов (таких как «Золотое руно» или «Весы»), а также заметки об отдельных русских писателях (например, Дмитрие Мережковском, Андрее Белом, Федоре Сологубе, Валерии Брюсове, Константине Бальмонте) помещались в рубриках, которые уже своими названиями регламентировали характер материалов. Это касается таких публикаций, как «Письма из России» Е. Захорского («Крытка»), анонимные «Петербургские письма» («Prawda») или «Корреспонденция из Петербурга» («Tygodnik Ilustrowany»). Несмотря на то что в них не содержалось анализа произведений, все же польский читатель мог найти определенную информацию о русской литературе.

Очень важным для популяризации русской поэзии среди поляков стал цикл статей Тадеуша Налепиньского под названием «Молодая Россия» («Młoda Rosja»), печатавшийся в «Prawdzie» (см. Nalepiński 1907, № 51–52; 1908, № 2–25). Характерной особенностью этих публикаций было упорное повторение мысли о существовании метафизической души России, причем в высокопарном стиле, который, судя по всему, сказывался отрицательно. Налепиньский, однако, опираясь на новейшие русские издания, давал конкретные сведения о творчестве поэтов. Он, к примеру, полнее всего представил тогда личность А. Блока, что могло быть обусловлено желанием заполнить пробел, который существовал в польских изданиях, популяризующих русский символизм, но Блока лишь упоминавших, а также тем, что Налепиньский восхищался творческой индивидуальностью русского поэта, был лично знаком и состоял в переписке с ним. Автор цикла «Молодая Россия» определял блоковскую лирику как «плод галийской чувственности на ниве русского отрицания» и в то же время добавлял, что Блок – «фигура слишком эстетическая и необъятная в контурах для того, чтобы можно было ее так однозначно определять» (Nalepiński 1908, № 13, 151–152).

Личные контакты поляков с русскими приводили, несомненно, к углублению знаний о современной русской литературе. Характерно, что некоторые критики и популяризаторы русской литературы были двуязычными. Особо оригинальное явление тех времен в области польско-русских взаимоотношений – двуязычное творчество Болеслава Лесьмяна, который печатал циклы своих русских стихов в журналах «Золотое руно», «Весы» и «Перевал», а также был непосредственно знаком с Бальмонтом и Брюсовым. Лесьмян очень высоко ценил К. Бальмонта, считал его самым интересным явлением в русской литературе того времени.

Получило известность в Польше и творчество Валерия Брюсова, который был лично знаком и переписывался со многими польскими писателями (с Б. Лесьмяном, Э. Слоньским, К. Войчиньским, Л. Бельмонтом). Л. Бельмонт и Э. Слоньский под впечатлением личных встреч с В. Брюсовым написали стихи, адресованные русскому символисту. Причем стихотворение Бельмонта «Валерию Брюсову» было написано по-русски и напечатано в московском журнале «Известия московского литературно-художественного кружка» (Бельмонт 1915, 5–6). Хотя это произведение не самого высокого художественного уровня, следует привести его фрагмент, представляющий интерес в истории польско-русских литературных связей, а также характеризующий позицию автора стихотворения – самого большого в то время энтузиаста взаимных контактов между Польшей и Россией:

Над Польшей и Россией пусть пройдет свобода
 И озарит всю землю солнечным лучом...
 В той цепи золотой, что свяжет два народа,
 Ты будь, поэт, любви прекраснейшим звеном!

(Бельмонт 1915, 5–6)

Именно Лео Бельмонт открыл новую страницу в истории польских переводов русской поэзии, опубликовав впервые (1902 г.) перевод «Евгения Онегина» (Puszkín 1902). В отличие от предыдущих периодов, когда внимание переводчиков было сосредоточено прежде всего на содержании стиха, Бельмонт придал особое значение его художественной выразительности, точно соблюдая метрику оригинала.

Статьи о русской поэзии, принадлежащие Лео Бельмонту, сопровождались обычно печатавшимися им переводами и были насыщены больше эмоциональным отношением к описываемым литературным явлениям, чем оценками критического характера. Указанная особенность вообще свойственна тому времени, ибо главной целью было изменить мнение поляков о русской культуре. Неоднократно, чтобы эмоционально воздействовать на читателя, призывался в «судьи» Адам Мицкевич, цитировались его суждения о русской литературе. Прибегал к этому Александр Брюкнер в своей работе под известным названием «О русской литературе и нашем к ней отношении – сегодня и триста лет тому назад» (Bruckner 1906); на оценки польского великого поэта ссылался и Лео Бельмонт, представляя польскому читателю «Евгения Онегина» (Puszkín 1902).

Критики и литературоведы не обходили стороной как отличия, так и общие черты, найденные ими в творчестве литераторов обоих народов. Компаративный характер носили такие работы, как «Лермонтов и Словацкий» Мариана Здоховского (Zdziechowski 1894) и «Следы влияния Мицкевича в поэзии Пушкина» Юзефа Третьяка (Tretiak 1889). Русские литературные течения в сравнении с равнозначными польскими явлениями анализировал среди прочих и Т. Налепиньский. Заключительные части в брошюре «Об искусстве Брюсова» (Nalepiński 1908, № 8) он излагал с точки зрения модернистского лозунга манифеста Пшибышевского, а затем сравнивал литературную ситуацию того времени в Москве и Кракове.

Рецепция русской поэзии в Польше не ограничивалась появлением критических работ, рецензий и заметок. Очень важной составляющей этого процесса стали переводы.

Прежде всего, разумеется, переводились произведения, тематически связанные с Польшей. К ним следует отнести поэму Я. Полонского «Казимир Великий», которая печаталась неоднократно в переводе В. Гомулицкого («Kraj» 1898, № 44, «Dziennik Chicagowski» 1898, № 281) и анонимного переводчика, подписывавшегося буквой «М» («Światło» 1912, № 15); «Стансы для Польши» Федора Сологуба в переводе Артура Оппмана («Tygodnik Ilustrowany» 1914, № 39) и Юлиана Эйсмонда (Ejsmond 1915); посвященное памяти Шопена стихотворение Сергея Сафонова «Так давно это было...», напечатанное без подписи переводчика («Dziennik Poznański» 1895, № 209). В том же ряду стихотворение Пушкина «Был здесь среди нас...», которое было переведено на польский язык Юзефом Третьяком (Tretiak 1906), Лео Бельмонтом («Wolne Słowo» 1909, № 58–59) и Юлианом Эйсмондом (Ejsmond 1915).

Помимо этого, польские поэты и переводчики часто обращались к произведениям Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а также Надсона. Любопытный факт – появление в Польше сборника стихов С. Надсона в переводе Мариуша Заруского, который был издан на территории России («Из поэзии С. Надсона». Архангельск, 1897). Этот томик переводов постигла интересная судьба: им начали интересоваться через двадцать с лишним лет после выхода в свет, когда о влиянии Надсона уже не могло быть и речи, а приоб-

рели популярность благодаря переводам группы «Скамандр» Бальмонт, Брюсов и Блок.

Поэты «Молодой Польши», как известно, обосновали два метода перевода: реконструкторский (был описан Анной Джевицкой на основе анализа младопольских переводов французской поэзии) и текстуальный. Выбор для перевода русской поэзии текстуального метода, основанного на стремлении как можно ближе передать текст первоисточника, был обусловлен, естественно, языковой близостью оригинала и перевода.

Поэтические переводы с русского выходили из-под пера разных переводчиков, так или иначе связанных с «Молодой Польшей». По словам автора книги, посвященной исследованию польских переводов русской поэзии рубежа веков, Барбары Куш (Kuś 1979), для некоторых из них перевод – случайное занятие, для других – сознательное стремление к популяризации русской поэзии среди польских читателей, для третьих – путь знакомства с европейской поэзией. К первой группе принадлежит Мариуш Заруский, переводчик сборника стихотворений Семена Надсона. К другой – Леопольд Блюменталь (Лео Бельмонт), автор большинства переводов русской поэзии, самый старательный в то время ее пропагандист. Наиболее характерные представители третьей категории переводчиков – Зенон Пшесмыцкий (Мириам) и Анна Захорская (Савитри).

С точки зрения выбора стихотворений и переводческого интереса каждый из упомянутых переводчиков стал типичной фигурой среди собственного кружка младопольских деятелей. Первые двое – Заруский и Бельмонт – имеют значительное количество переводов из русской поэзии, благодаря чему можно определить и те принципы, которыми они руководствовались. Заруский, переводческий интерес которого концентрировался вокруг одного автора, использовал дословный перенос всех элементов оригинала. Не всегда этот метод приводил к должному эффекту, особенно если говорить о языковых достоинствах перевода.

Наиболее ищущим переводчиком был Лео Бельмонт. Некоторые исследователи считают главными его достоинствами работоспособность и настойчивость, проявленные в деле популяризации русской поэзии, но говорят о недостатке в большинстве переводов подлинного поэтического таланта.

Интересные переводы русской поэзии дал Мириам, одаренный переводчик с ярко выраженной индивидуальностью. Он смело менял лексический строй стихотворений, был противником предельной филологической адекватности перевода, считал, что качественный перевод – это «поэтическое зеркало оригинала». В его наследии находится только двенадцать переводов из русской поэзии, однако с точки зрения культивируемой в польском модернизме переводческой методологии, характерной языковой манеры и поэтической индивидуальности анализ переводческого мастерства Мириам является интересным материалом для исследователя.

Для переводческой манеры Анны Захорской характерны поэтическая выразительность, соблюдение рамок стихотворных и образных форм и довольно свободное отношение к переводу слов оригинала. При этом переводы писались на языке, который не был обременен лексическим влиянием эпохи, и стали своего рода переводческой увертюрой к более поздним вариантам переводов Тувима, Броневского, Яструна или Поллака. Появившаяся в 1909 г. под псевдонимом Савитри публикация «Основные направления современной русской литературы» (Savitri 1909) сопровождалась переводами стихотворений четырех поэтов: Вячеслава Иванова, Ф. Сологуба, К. Бальмонта и В. Брюсова. Переводчица выбрала по одному произведению каждого из известных поэтов. Хотя Анна Захорская в своей переводческой практике далека от дословного переноса всех элементов переводимо-

го текста, ее поэтические инверсии выразительно связаны с оригиналом, поскольку перевод содержит комбинацию поэтических определений и словесных ассоциаций, принадлежащих к тем же семантическим полям, что и оригинал.

Переводы являются важнейшим источником, свидетельствующим о степени интереса к русской поэзии на рубеже XIX–XX вв. Наибольшие успехи в переводческой деятельности были, как оказалось, у Лео Бельмонта. Фигура этого переводчика и пропагандиста русской литературы заслуживает отдельного исследования. Более детального изучения требует также популяризаторская деятельность Тадеуша Налепиньского и Анны Захорской.

Работа над этими вопросами должна способствовать заполнению все еще существующих пробелов в исследовании польско-русских литературных связей рубежа веков.

ЛИТЕРАТУРА

Бельмонт Л. Валерию Брюсову // Известия московского литературно-художественного кружка. Февраль 1915. С. 5–6.

Bruckner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów, Warszawa, 1906.

Ejmond J. Polska w pieśniach cudzoziemskich. Warszawa, 1915.

Kmieciak K. «Kraj» za czasów redaktorstwa Erazma Piltza. Warszawa, 1969.

Kuś B. Poezja rosyjska w polskim życiu literackim przełomu XIX i XX wieku: Z dziejów polskiej sztuki translatorskiej. Wrocław, 1979.

Markiewicz H. Młoda Polska i «izmy» [w:] Wyka K. Młoda Polska. Kraków, 1977. T. 1. S. 307–360.

Nalepiński T. Młoda Rosja (szkic krytyczno-literacki) // Prawda. 1907. № 51–52; 1908. № 2–25.

Nalepiński T. Młoda Rosja. Pędy, zapędy, zamęty // Prawda. 1908. № 13. S. 151–152.

Nalepiński T. Walery Briusow // Prawda. 1908. № 8.

Puszkina A. Eugeniusz Oniegin (w przekładzie L. Belmonta). Kraków, 1902.

Savitri. Główne prądy współczesnej literatury rosyjskiej // Tygodnik Ilustrowany. 1909. № 44.

Tretiak J. Mickiewicz i Puszkina. Studia i szkice. Warszawa, 1906.

Tretiak J. Ślady wpływu Mickiewicza w poezji Puszkina. Kraków, 1889.

Zdziechowski M. Lermontow i Słowacki // Świat. 1894. S. 91–101.

Żakiewicz Z. Literatura rosyjska lat 1895–1914 w kręgu Młodej Polski // Slavia Orientalis. 1968. Roczn. 17. № 4. S. 483–503.

Поступила в редакцию 15.11.2002.

Оксана Анатольевна Лавшук – аспирантка кафедры славянских литератур. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянских литератур И.А. Чарота.